

У Беседина есть поразительная по точности строка, определяющая, как-жетося, едва ли не всякий шаг России на её историческом пути. Беспредельный порыв и житейская разбросанность, сокровенный источник высоты и тяжкая доля страдальцы – эти приметы сконцентрированы в “крестьянском облике” родной земли и сжаты до словесной формулы: “Столько не жсала, сколько посеяла...”

Внимательный глаз и традиция русской пейзажной лирики, когда движение и предметы отчётливо видны, а сам автор незримо присутствует в картине, – одно из важнейших свойств поэтики Беседина. Берущее начало в давних акмеистических установках, такое творческое правило – разумеется, в самом общем виде – было чрезвычайно распространённым в советской литературе. Конечно, каждый автор претворял подобные качества стиха в узнаваемые читателем образы по-своему, однако именно эта художественная тенденция позволяет определить поэзию советских лет как прямую наследницу традиции русской поэзии. Одним из первых об этом упомянул Борис Сиротин, говоря о творчестве Ярослава Смелякова.

Предметность слога не позволяет современным стихам окончательно провалиться в модернистские схемы, где за словами не угадываются ни вещь, ни глубокое переживание, а есть лишь отпечаток авторского “я”.

У Беседина природа очеловечена, олицетворена, и в том – его внутреннее желание чувствовать себя в единстве с отчей землёй, родным краем. В свою очередь, живой окружающий мир, наполненный щебетом птиц и шумом листьев, вечерней зарёй и волнами колышущихся колосьев, способен поведать о человеке многое. Ещё и потому он так дорог открытому сердцу лирика-песнопевца.

*А что же за нами?
А кто же за нами
Затеplit поля и цветы?
Какую любовь осенит небесами
Во имя земной красоты?
Железная поступь компьютерных буден
Пройдёт, как Батыева рать.
И некому будет, и некому будет
Правду о нас рассказать.*

Человек без Бога в душе — это также и человек вне природы, удалённый за её пределы и воспринимающий свой природный дом лишь как объект приложения собственных рациональных усилий. Примечательно, что такие координаты существования почти однозначно предполагают катастрофическую потерю жизненного смысла, в особенности — для русского самосознания. И тогда бедняк становится разбойником, богач превращается в средоточие животного начала, гедонистического и смертельного — как в духовном отношении, так и в биологическом.

Надлом современной эпохи сказывается почти во всех стихах Николая Беседина. Свидетель великих событий, в современности он чувствует себя лишней фигурой, попавшей во времена мелкие и бесплодные: “Мои старомодные вещи // Полны молчаливой гордыни...”

Живущий

*<...> на обломках идей,
На развалинах Божьего храма,
В государстве усталых людей,
Посреди многоликого срама, —*

он всей кожей воспринимает самоубийственное движение России по навязанной ей исторической траектории: “...Мне на память приходят киты, // Что выбрасываются на берег”.

Даже в картине поздней осени у поэта очевидны черты сегодняшнего дня: “На **теплохладные** поля // Снега ложились **по-хозяйски**”. Земля не вспомнила весенние “**заветы**”, “не растопила, не сожгла **опустошительную силу**”, но лишь убрала в белый саван “**свою могилу**”. Здесь ключевые (выделенные) слова филигранно определяют два противоположных действующих лица: бесцеремонный и беспощадный пришелец и равнодушный хозяин, забывший свой род и покорно принимающий собственную бесславную кончину. Таков образ современной России, приходящий на ум в горькую минуту почти каждому, кто любит свою родину. И ему соответствуют отчётливые приметы “теплохладного” современника:

*То ли паперть, а то ли перрон:
Молчаливо народ суетится,
То ли свой ожидая вагон,
То ли батюшку ждёт помолиться.
В каждом слепленном наспех лице
Было что-то тупое, покорное.
Пьяный мальчик рыдал об отце,
И шептал кто-то Слово Нагорное.
<...>
Не жалея минувших потерь,
Каждый в счастье грядущее верил.
И открылась за папертью дверь,
И никто не вошёл в эти двери.*

Говоря о текущем дне, Николай Беседин касается темы памяти. Во многом именно она определяет его отношение и к настоящему, и к будущему. Советский период истории теперь оболган, мифологизирован и предан анафеме. Несмотря на дежурные слова власти о позитиве тех лет, отряды олигархического агитпропа изо дня в день марают грязью достижения наших дедов и отцов, говоря, что тогда не было “высот” — одни только “провалы”. Действительно, советское время крайне противоречиво, в нём есть чёрные пятна и светлые страницы, однако не гиене вести речь о биографии льва. И если ты чувствуешь Россию своей родной страной, а не местом временного пребывания, то принимаешь и горечь её поражений, и славу её побед. А уж как уместить всё это одном сознании, в одном сердце... В том-то и состоит достоинство или скверна нашего нынешнего русского современника.

*Что случилось с тобой, моя Родина?
Зашаманили душу твою,*

*Обольстила змея-подколодина,
Обещавшая жизнь, как в раю.*

*Мне ответили сытые граждане,
Свысока озирая народ:
— Мы возмездья давно уже жаждали
За поганый семнадцатый год.*

*И сказали довольные граждане:
— Нам хватает достатка вполне,
Мы теперь никому не обязаны —
Ни отцам, ни великой стране.*

*...Мне ответили нищие граждане:
— Лишь бы не было только войны.
Да, мы голь, но не суки продажные,
Нет пред Родиной нашей вины.*

*И пошёл я один косогорами,
По путям, где ни зги не видать,
По лесам да равнинам, с которыми
Так легко обо всём забывать.*

Решённый в сказовом стиле сюжет совершенно чужд публицистике с её ораторскими интонациями, но замечательно точен в портретном отношении, когда художником схвачен сам тип человека, о котором идёт речь. Кроме того, *alter ego* автора поставлено перед необходимостью не только ответить на вопросы о прошлом, но и определить духовно своих нынешних собеседников.

Говоря о “великой и грешной”, ушедшей в вечность стране, поэт не делит её народ по формальному признаку на православных праведников и всех остальных — грешников разного разряда. Воинский подвиг, трудовой, материнский — таких вершин человеческого духа было много в то время, они хорошо вписываются в определение “практический христианин”. В подобном смысле Зоя Космодемьянская и Александр Матросов кажутся святыми мучениками. “Вера сумасшедшая” и “праведная вина” тех грозных лет у Беседина обозначены образно, однако интуитивно он нашёл единственные слова, которые применимы к эпохе и её людям, потому что сказаны они с любовью и уважением, с чувством принадлежности к русскому роду: “И прости её, Боже, что каялась // Не у тех, к сожаленью, икон”; “Но над всеми смертями и бедами // Было что-то, что небу сродни”.

*И когда-нибудь праздные гости
Спросят новых вселенских святых:
— Что за звёзды горят на погосте?
И услышат:
— Молитесь о них.*

Заметим: не “новоначальные” скажут финальные слова стихотворения. Истинно святые, в числе которых и православные новомученики советских лет, произнесут: “Молитесь о лежащих под обелисками”.

Тогда как вдохнувшие ветры “оттепели” всё-то будут показывать миру язвы “великой той державы”.

*Мы думали, что мы молились
И за живых, и за распятых,
А мы смертельно простудились
На сквозняках шестидесятых.
И мир запомнил не победы,
Оставим в стороне лукавство,
А наши жалобы и беды
В том, неподвластном злату царстве.*

Исключительно важная характеристика Советского Союза: “неподвластное злату царство”. Пожалуй, на сегодня в этом словесном абрисе сосредоточено наибольшее “портретное” сходство наших представлений о стране и времени, в которых жили отцы и деды, — с реальностью, что ушла под воды истории более двух десятилетий тому назад.

Но что же связывало воедино тех людей, которые все вместе составляли великое государство, идеи которого теперь, в капиталистической России, куда живее, чем на закате СССР? Стремление к правде и справедливости в настоящем и способность к жертве во имя будущего. В те годы образ завтрашнего дня во многом был окрашен в почти религиозные тона, хотя собственно религия была изгнана идеологией из повседневности. Сейчас сокровенный русский человек не мыслит жизни своих потомков без православной веры, и все идеалы минувшего обретают уже небесный отсвет.

Способность к жертве и таким образом утверждение личности героя — отчётливая черта поэзии Николая Беседина. Проявляясь то мимолетно, то развёрнуто, она являет собой, по существу, максимум: таким должен быть мужчина на Руси — воин ли, крестьянин, мыслитель...

*Не в смерти Истина.
Но не распявший плоть
На крестной дыбе самоотреченья
Не прикоснётся к имени — Господь.
Земного царства мимолётный гость,
Он не постигнет истины значенья.*

Поэт, соединяющий слова в строки и скрепляющий их таинственным чувством, что берёт начало то ли в его сердце, то ли в мистических небесах, в обыденном распорядке — колеблющийся человек. Он сетует, что устал от потерь, безропотно отдав “любовь свою, заветные могилы, // Свой край родимый горестный и милый // И дух побед, что дед мне завещал”... За дверью — смерть, пришедшая за ночной птицей, олицетворяющей душу певца, его вдохновенный дар.

*— Не открывай ей дверь!
Я знаю, ты не сможешь одолеть,
Ты не спасёшь и сам себя погубишь.
Ты ни во что не веришь и не любишь.
Ты не способен жертвенно сгореть.
Смерть только кровью можно превозмочь,
Чтоб новый день в огне зари родился.
Но ты не воин...*

В сегодняшнем обществе эти доводы куда как убедительны, их транслирует ТВ, они пронизывают страницы либеральной литературы, напитывают, словно ядовитые соки, интернет. Однако способность к самопожертвованию не покинула душу нашего современника, она дремлет и ждёт чистого и властного веления совести, которая, как известно, есть эхо Гласа Божьего.

*Но ты не воин.
Я перекрестился
И дверь открыл.
И расступилась ночь.*

Таков странный нищий, одетый в камуфляж, со словами военного приказа на ремне и надписью на картонке: “Подайте на патроны!”

А также тени советских солдат, лежащих в братских могилах по всей Европе. Погибший на Шпрее комвзвода поднимается из земли и обходит высоту, где “русские парни лежат”, и снова зовёт их в бой за поруганную Родину. Безногий солдат, “беззлобно ругаясь, спросил”, зачем он тревожит их прах, какая вина корёжит его пробитое сердце...

*И тихо комзвода ответил,
Сдержав то ли боль, то ли злость:
— Мы вроде с тобой не в ответе
За то, что с Россией стряслось.
И жизнь не была нам дороже
Отчизны. На том и сошлись.
Чиста наша совесть.
И всё же
С тобой мы в ответе за жизнь.*

И поднялись павшие, и зашагали “незримые миру” войска:

*Десантники шли и пехота,
Штрафных батальонов ряды,
И чёрные дьяволы флота,
Поднявшись из тёмной воды.
Бросая свои пьедесталы,
И пушки, и танки ползли,
Все те, кто в войне той кровавой
От гибели спас полземли.
Безногий солдат неумело
Всё полз на культянках впотьмах,
И знамя Победы горело
В его беспощадных руках.*

Перед нами второе возвращение солдат домой: в 1945-м, на родину-победительницу — с радостью; теперь, на родину, втопанную в грязь, — со стальной решимостью. В этом “Марше павших” потрясает последовательное включение в поход всё новых и новых солдат и оружия и эпитет в самой последней строке стихотворения: “в **беспощадных** руках”. Непреклонность суда мёртвых героев не кажется эмоцией экзальтированного современника-патриота: это святое право подкреплено жертвенным подвигом русского солдата (“жизнь не была нам дороже Отчизны”). Здесь присутствует та “ярость благородная”, которой насыщена песня “Священная война”.

У Беседина не один сюжет решён в жанре поэтического размышления, который был чрезвычайно развит в советской литературе. Интонационно автор выступал от лица своих современников, хотя словесно это нигде не оговаривалось. Само рассуждение предполагало, что его итог становится общим достижением поэта и его читателя, стихи неявно “дарились” всем, кого волновали вопросы, звучащие в душе певца, ставшего на короткий срок философом. В сравнении с поэзией текущего дня контраст разительный: огромное множество лирических опусов повествуют только о коллизиях в сознании эгоистичного сочинителя и совершенно не становятся актом взаимопознания поэта, читателя и общества.

В одном из стихотворений Николая Беседина есть очень важная мысль о бытийном союзе веры и рода, что так важно для русского человека сегодня:

*Кто чужд истокам, чужд и небесам,
Проклявший семя будет проклят сам.
Возмездие судьбы неотвратимо
Над тем, кто делит то, что неделимо.
Кто чужд истокам, чужд и небесам.*

И автор обращается к древней русской истории, сказовым сюжетам, видениям, соединяющим современность с Русью.

В “Стоянии на Угре”, полном предчувствий и воспоминаний, “вызревает печаль над лугами в туманах. // И рождаются тени на том берегу // В малахях, со стрелами в жёлтых колчанах”.

*Прозвучал колокольный призыв вдалеке
И умолк.*

*Русь, как в сон, погружается в небыль.
Никого. Только мальчик стоит на песке
Возле самой воды, отражающей небо.*

Тут и надежда на новое поколение, и на очищение (“возле самой воды”), и на небесную силу – всё те же упования исподволь характеризуют и наше время.

В “Братине” изображена картина житейского и духовного разорения родной земли. Мать попросила утолить жажду “влагой зоревой”, но не стала пить “росы луговые” ни из серебряного ковшика, ни из туюска берёзового, а подала сыну братину:

*Людям отнеси.
Что нальют, насыпят ли —
Всё приму я, грешница.
Мало ли наварено яства на Руси?*

Здесь слышатся ритмические и образные отголоски великой некрасовской поэмы, однако сюжет баллады сжат символическим отображением реальности и решён в духовном ключе. Собрал сын в братину “горе горькое”, “слёзы да пожарища с кровью пополам”, “голод и позор” вкупе с усталыми надеждами и тёмным похмельем, “злобу и раздор”. Всё матушка “выпила, не охнула” и потом “родимая, как травинка сохнула. // И стояла братина около икон”.

Заметим, что мать назвала себя грешницей и приняла все людские беды и зло как свои. Перед нами ещё один пример жертвенного пути грешного человека. Только жертва и молитва спасительны для Руси – как много веков тому назад, так и сейчас.

В “Братине” показано русское “лихо” (причём только в какой-то степени предметно, в основном – через житейские явления, но очень узнаваемо). А благо – или то, что русскому человеку стоит беречь в окружающем мире и в себе самом – представлено на редкость ассоциативно и выглядит скорее правилом либо наставлением в стихотворении о страннике (“Шёл по свету странничек...”). Его удивительный “посох тоненький крепости невиданной” был сотворён не из “дуба крепкого” или “камня лепого”, а из “рокота речек”, “лесного шороха”, “травы печалицы”, “ржаного зёрнышка”, “весёлой радуги в росах подорожника”, “кровинки отчей”...

Деревянный или каменный посох, скорее, свойствен западной мифологии и умонастроению – в таком походном атрибуте есть нечто инструментальное с набором функций. Тогда как перед нами – опора, соединившая в себе звуки и картины, чувства и приметы, а также творящую руку с землёй-кормилицей. Для рационального ума тут присутствуют неуловимые для практического применения атрибуты мира и жизни, за которые и сегодня порицают “неправильного русского человека”. А ведь с таким посохом странник легко преодолевал горе и беду, перед ним склонилась “вся земля широкая // от горы до колоса”, “поклонилось звёздами // небо предраассветное”, потому что он дарил им мистически необъятную “надежду вечную // в доброе и светлое”.

Вспомним упования человечества на Россию. Они звучат достаточно отчётливо в этом поэтическом мифе Николая Беседина.

Баллада-видение о княжеском гонце, заночевавшем на берегу реки Оскол, пронизана тревогой. Ещё звенит ночная тишина, пламя костра спокойно, а “медлительная Русь спит в теремах и огнищах былинных”. Только “мать склонилась над уснувшим сыном, // Предчувствуя всем сердцем смертный груз”, и старый воин, “в забытии тревожном, // Культипой кистью проводя по ножнам, // Всё смотрит неотрывно на восток”. Но вот костёр догорел, и “горизонт взметнулся от пожара”. Гонец сгребает тлеющие угли, “идёт к лодье и достаёт багор”: оттолкнувшись от берега, по течению реки он “дальше понесёт беду”...

А ведь в самом начале стихотворения автор, видя отблеск у речной воды, задаётся вопросом: “Кто у костра? Турист ли отдыхает, // Или уставший княжеский гонец?” И стягивает времена тем самым, напивается древними приметами настоящий день. Мастерски прописывая детали, будто живописец,

погружённый в историю, он создаёт перед глазами читателя картину былого нашествия и словно говорит: общая на всех беда может быть преодолена лишь совместными усилиями.

В лирике Николая Беседина словарь, обнимающий собой традиционную предметность мира – семейную, крестьянскую, природную, воинскую, – составляет фундамент его стихотворной речи. Соединяясь с душевными коллизиями автора и публицистикой, этот словарь, будто якорь, удерживает поэта в пространстве важнейших традиционных понятий, которыми поверяются новые реалии.

В поэтической интонации Беседина есть ноты стиснутого волей страдания – угадываются и безмерная печаль, и внутренние душевные скрепы, что всё ещё держат её на полувздохе рыдания. Для русского жития это узнаваемое состояние. В нём затаённо присутствует вера в то, что сегодня всё не кончается. А также сосредоточена сердечная надежда на Промысел и на милосердие Божье к мужественному, смиренному и терпеливому человеку.

*И очнутся поля от сиротства,
безверья и горя,
И о верности отчей земле
возгласят небеса.*

В конце года ушли из жизни несколько авторов “Нашего современника”, талантливые писатели, замечательные люди. Эдуард Скобелев (Минск), Иван Тертычный (Москва), Николай Коняев (Тюмень).

Помним. Любим. Скорбим.